

КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОРИЙ

ЧИТАЙТЕ ДРУГИЕ КНИГИ СЕРИИ

САРА ДЖИО. ФИАЛКИ В МАРТЕ

САРА ДЖИО. ЛУННАЯ ТРОПА

САРА ДЖИО. НАЗАД К ТЕБЕ

САРА ДЖИО. УТРЕННЕЕ СИЯНИЕ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ЦВЕТЫ И ПТИЦЫ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ПОСЛЕ ИЗМENEНЫ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ТО, ЧТО ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. ГОРЬКИЙ ШОКОЛАД

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ
ВЕРЫ ТАПКИНОЙ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. НЕЗАДАННЫЕ ВОПРОСЫ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ. МИЛЕНЬКИЙ ТЫ МОЙ

КЭРРИ ЛОНСДЕЙЛ. ЛАЗУРЬ НА ЕГО ПАЛЬЦАХ

КЭРРИ ЛОНСДЕЙЛ. РАЗБИВАЯ ВОЛНЫ

МАША ТРАУБ. ОСТОРОЖНО - ДЕТИ!
ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ

СОФИ КИНСЕЛЛА. УДИВИ МЕНЯ

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

ВСЕМ
СЕСТРАМ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление
Валерии Кольшевой

Метлицкая, Мария.
М54 Всем сестрам / Мария Метлицкая. — Москва :
Эксмо, 2023. — 320 с.
ISBN 978-5-04-175412-9

Как по-разному складываются судьбы! Кому-то удастся сохранить чувства, кто-то живет без любви. У кого-то действительно крепкая семья, а кто-то лишь сохраняет видимость.

Многие умеют довольствоваться тем, что есть. Но что делать, если ты ждешь от жизни большего?

Мария Метлицкая уверена: женская мудрость — в умении понять, простить и принять. Ведь никто не знает, сколько кому отмерено радости и печали. Всем сестрам — по-своему.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023
ISBN 978-5-04-175412-9

Всем сестрам. . .

Алла Ивановна была суетливой хлопотуньей — а куда деваться бедной вдове, машинистке без «верхнего» образования, имеющей на руках двух половозрелых дочерей? Дочерей звали Галочка и Лялечка. И надо сказать, создатель явно схалтурил — девицы получились как на подбор неказистые.

Лялечка была старшей. Худая до костлявости, с хрящеватым длинным носом, маленьким узким ртом и неясного цвета глубоко посаженными мелкими глазками. Галочка, наоборот, была дебелой, рыхлой, очень белокожей, что называется, без бровей и ресниц. Нос среднерусский, картошкой. Глаза блеклые. Грудь, живот, ноги — все от сорокалетней расплывшейся тетки.

Алла Ивановна, кстати, была еще очень симпатичной дамой — мелкая, стройненькая, тем-

Мария Метлицкая

ные глазки, темные кудряшки, носик пимпочкой, губки бантиком. Взгляд наивный, но с металлом. Понятно, жизнь — нелегкая штука.

У Аллы Ивановны была идея — пристроить двух своих кулем замуж. А что, понятное для матери желание — увидеть детей в благополучии и достатке. Тема была для Аллы Ивановны очень болезненной. Потому что ничего не получалось, все напрасно. Подключены были соседи, коллеги по работе, родственники — близкие и дальние, знакомые, знакомые знакомых, знакомые знакомых знакомых, случайные попутчики — в метро, трамваях и поездах... Все в «молоко». Но Алла Ивановна не отчаивалась и продолжала свою бурную деятельность. Правда, сил оставалось все меньше, а надежды становились все призрачней.

Однажды на курорте попался один на крючок. Почти. Но в последнюю минуту сорвался и этот хлипкий очкарик, дефилировавший по вечерней набережной в сопровождении необъятной мамыши в соломенной шляпе с красной розой.

Сколько сил тогда Алла Ивановна потратила! Сколько сил! Как заливалась соловьем, нахва-

ливая пестрые кримпленовые платья этой самой мамыши, Клавдии Петровны. Делала комплименты ее безобразному жидкому перманенту, ее дешевым украшениям с красными и розовыми камнями — бр-р, безвкусица! Восхваляла ее сына-недоумка: ах, какой у вас чудный мальчик, чудный, прелесть! Не пьет, не курит. Студент, скромняга. А какой сын!

Клавдия Петровна важно кивала и соглашалась. Видно, и впрямь думала, что ее Вадик — завидный жених. Сам же Вадик был робок, молчалив и безынициативен, молча шел рядом, хмыкал носом и без конца протирал крупные старомодные очки с сильными диоптриями.

Тогда Алла Ивановна его и подтолкнула к Лялечке. Они даже сходили втроем в киношку: Лялечка, малахольный Вадик и, конечно, Клавдия Петровна. Куда же без нее?

На следующий день Алла Ивановна сладко улыбалась на пляже и, сидя под грибком, уговаривала мамашу.

— Ну, пусть дети побудут немного вдвоем, — медовым голосом ворковала Алла Ивановна. — Пусть сходят вечером в парк или на танцы!

Мария Метлицкая

Клавдия Петровна была непреклонна.

— Аллочка Иванна! — строго отвечала она. — Мой Вадик не так воспитан!

Алла Ивановна скрежетала зубами и мило улыбалась.

— Ну, не на танцы же вам вместе с ними идти! — с кислой миной говорила она.

— А Вадику на танцах делать нечего, милая моя. Вадик у меня человек серьезный. Студент!

Это она намекала на то, что Лялечка без высшего. Стерва. Через неделю Вадик обгорел до пузырей и совсем скис. Сидел в тенечке под платаном со страдальческой физиономией и разглядывал в бинокль фигуристых девок в купальниках. На Лялечку — ноль внимания, словно ее и нет.

Алла Ивановна обиделась, подхватила дочек и перебралась на другой конец пляжа. А встретившись с Клавдией Петровной на вечернем променаде, надула губы и отвернулась.

Дни-денечки между тем утекали. Лялечке было уже двадцать восемь, а Галочке — двадцать шесть. По вечерам Алла Ивановна, лежа в спальне, мысленно разговаривала со своим покойным мужем. Муж ее покойный был чело-

веком очень умным. Только вот сгорел от рака печени в три месяца, как Алла Ивановна ни билась.

Муж служил в министерстве, на хорошей зарплате. Путевки, заказы — как сыр в масле каталась. А не стало его — выживай как знаешь. А как? Да так — девицам лучшие туфельки импортные, конечно, платья — только у хорошей портнихи, шубки, шапочки, сережки золотые в уши... Билась как рыба об лед. Халтурила ночью, набросив на дверь ватное одеяло, чтобы девочки спокойно спали и пишущая машинка их не тревожила. Ночей недосыпала. С ног валилась. Но у дочек — все самое лучшее. Себе юбки перешивала, перелицовывала. Совсем уже было отчаялась — и тут ей судьба выбросила Никодимова.

Вместе стояли в универмаге за ангорскими костюмами. Все нервничали, большие размеры, как всегда, кончались. Алла Ивановна нервничала тоже. А как же? Лялечке костюм достанется, а Галочке? Обидно же будет. Никодимов стоял в очереди перед ней. Широкий, как шкаф, лицо красное, полное, руки крепкие, крестьянские, лысоват, нос картошкой. В пальто, шляпе

Мария Метлицкая

и с портфелем. Дядька и дядька. Но если приглядеться — представительный. По-провинциальному, конечно (то, что он приезжий, Алла Ивановна поняла сразу).

— За костюмчиком тоже? — осведомилась Алла Ивановна. — Вот жене подарок будет!

Он мотнул головой:

— Сестре. Разведен я.

Алла Ивановна не в меру возбудилась.

— И что, проездом в Москве? — интересовалась она.

А что удивительного? В очереди люди всегда общаются. Постоишь часа два или три... Никодимов устал, хотел есть и пить, в пальто было невыносимо жарко. Очереди он ненавидел, впрочем, как всякий мужик, Москву не любил и слегка презирал, как всякий провинциал. Хотел домой. Очень хотел домой. До дрожи. Хотя дома было тоже мама не горюй.

Никодимов жил на кухне в шесть квадратных метров. Это после развода. Бывшая жена Зинаида занимала комнату четырнадцати метров. Она, их общая с Никодимовым дочка Любашка и новый Зинаидин муж Митрофанов, водитель

автобазы номер пять. Хам и свинья. Под стать бывшей супруге Зинаиде, чтоб ей...

На ночь Никодимов разбирает на кухне раскладушку. Митрофанов вставал в шесть утра и начинал жарить яичницу. Горячие масляные брызги со сковородки летели Никодимову на лицо. Он укрывался с головой одеялом. В совмещенный санузел тоже было не попасть. Там Зинаида минут сорок строила на голове из белых, травленных до безжизненности паклевидных волос замысловатую башню. Дочка Любашка, позевывая, выходила на кухню без «здрате» и «доброго утра». Хотя какое там доброе утро? Покой наступал только вечером. Все утихомиривались, и Никодимов читал газеты и пил на кухне чай.

Сестра — добрая душа — звала жить к себе. Но у нее самой — семеро по лавкам и три малюсенькие комнатухи.

Вообще-то самое разумное в положении Никодимова было жениться, создать семью, так сказать. Но требовалась женщина свободная и с жилплощадью — а с этим было никак. Была одна, Вера, малярша, женщина хорошая, чисто-плотная, приятной наружности, — но жила со

Мария Метлицкая

старухой-матерью на восьми метрах. Еще имелась инженерша с комбината. Бой-баба. У нее была квартира — но в квартире жили еще два ее пацана. Тоже не вариант. Вот тебе и город невест. Это в песне хорошо поется, а поди устрой жизнь. И все равно хотелось домой.

Москва на него давила, плющила всей своей мощью и объемом.

Алла Ивановна смотрела на Никодимова, как удав на кролика.

— Ну вот, миленько. Уже совсем близко. И возьмем костюмчики, — приговаривала она и нервно посматривала на часы. Никодимов тоже посмотрел на часы и вздохнул.

— Торопитесь? — осведомилась навязчивая дамочка.

Никодимов мотнул головой; до поезда оставалось четыре часа, до костюмов — минут двадцать. Когда подошли к прилавку, Алла Ивановна схватила два костюма, больше в руки не давали, и попросила Никодимова взять второй для нее. Никодимов пожал плечом и взял деньги.

На улицу вышли одновременно.

— Ох, дайте дух перевести! — кокетничала Алла Ивановна.

Никодимов опять пожал плечом, дескать, пожалуйста, кто ж мешает. Он опять посмотрел на часы и подумал, что надо двигаться к вокзалу, да и перекусить где-нибудь по дороге, на вокзале цены кусаются.

— Послушайте, — вдруг обратилась к нему дамочка. — Как ваше имя-отчество, простите?

— Петр Степаныч, — глухо буркнул Никодимов.

— Так вот, уважаемый Петр Степанович, — затарахтела она. — Пусть мое предложение не покажется вам странным, ничего такого в нем нет. — Она взволнованно сглотнула слюну. — Так вот, дорогой Петр Степанович. Я предлагаю вам зайти на часок ко мне, я тут рядом, в десяти минутах ходьбы, если быстрым шагом, то и за семь можно. Чаю попьем, дух переведете, отдохнете до поезда — ну что вам, право слово, на вокзале обретаться?

Никодимов вздрогнул и повел плечом:

— Неудобно как-то, мы ведь совсем не знакомы.

Алла Ивановна, видя его растерянность, воспряла духом, подхватила Никодимова за локоть и, приговаривая: «Что вы, что вы, приличного

Мария Метлицкая

человека за версту ведь видно», потащила его за собой.

«Чего ей от меня надо? — удивлялся Никодимов. — Чудная какая-то дамочка. Может, чокнутая?»

До дома Аллы Ивановны дошли и вправду минут за десять. Дом был мощный, кирпичный, с хорошим ухоженным двором. Поднялись на шестой этаж, и Алла Ивановна открыла ключом массивную, обитую серым дерматином металлическую дверь.

Пока Никодимов раздевался в прихожей, Алла Ивановна уже вовсю хлопотала на кухне. Никодимов вымыл руки, и Алла Ивановна протянула ему маленькое махровое полотенце.

«Ничего себе хата! — удивлялся Никодимов. — Комнаты три, не меньше. Коридор метров десять. Ванная в розовой плитке. Ничего не понимаю. Может, она вдовица? Старовата, конечно, но юркая. И чего это она так старается?»

Когда Никодимов зашел на кухню, на столе уже стояла тарелка борща с жирным пятном быстро таявшей сметаны. Никодимов сглотнул слюну.

— Присаживайтесь, — любезно предложила Алла Ивановна. — Не откажитесь, прошу. Что там чай? Вы мужчина крепкий, крупный, надо и подкрепиться по-серьезному.

Отказаться сил не хватило. Никодимов сел за стол и, стесняясь и краснея, стараясь не чавкать, начал осторожно есть борщ. После борща ему подали котлеты с макаронами.

Наевшись, Никодимов вальяжно откинулся на стуле и спросил Аллу Ивановну почти грозно:

— Что-то не пойму я вас. Женщина вы с виду приличная и неглупая, а вот домой к себе незнакомого человека тащите, да еще и не москвича. Не боитесь?

Алла Ивановна присела на стул, откинула рукой кудряшки со лба и спокойно сказала:

— Представьте себе, не боюсь. Я людей насквозь вижу.

Она встала и поставила на газ чайник. Молча убрала посуду со стола, пододвинула Никодимову большую синюю, с золотым ободком, чайную чашку, тонко нарезанный лимон и конфеты «Мишка на Севере». Потом опять присела, опустила глаза и тихим голосом сказала:

Мария Метлицкая

— Дело у меня к вам, Петр Степанович. Очень серьезное дело.

«Костюм сестрин попросит отдать, — испугался Никодимов. — Спекулянтка, наверное. Хотя нет, не похоже». Да кто их знает, много ли спекулянтов видел Никодимов на своем веку?

А Алла Ивановна продолжила:

— Кривить душой и прикидываться не буду, — важно сказала она. — Времени у вас на это нет. А есть у меня к вам предложение.

Она замолчала, встала со стула, подошла к плите и выключила чайник. Было видно, что она волнуется.

— Итак, — медленно произнесла Алла Ивановна и после затянувшейся паузы сказала: — У меня есть две дочки. Чудные девочки. Домашние, рукодельницы. Обе работают. Лялечка — в роно, в бухгалтерии, Галечка — в детском саду, методистом. Славные, начитанные, с хорошими манерами, — нахваливала свой залежалый товар Алла Ивановна. — Только вот в жизни не повезло. Не сложилось. Женихов было много, — отчаянно врала Алла Ивановна, — а вот не сложилось. По разным

причинам. Без подробностей. — И она строго посмотрела на притихшего Никодимова.

Никодимов смотрел на синюю чашку с золотым ободком.

Алла Ивановна громко вздохнула и проговорила:

— Мы с вами взрослые люди, чего уж там. Вы тоже, Петр Степанович, человек неустроенный, неухоженный — это же видно. В общем, — она нервно закашляла, — предлагаю вам фотографии девочек моих посмотреть — может, приглянется вам Лялечка или Галочка. — И, обессиленная, опустила на стул, нервно теребя в руках льняную салфетку.

Никодимов краснел и тупо молчал, не поднимая глаз от стола. Молчали минут десять.

— Ну вы даете, — наконец выдавил Никодимов. — А если я аферист какой? Брачный или просто так жулик? Как же можно так человека в дом звать и дочек своих предлагать?

— Что вы, что вы, Петр Степанович, я женщина опытная, людей насквозь вижу! Разве ж я первого встречного в дом бы позвала? Да вы меня обижаете, ей-богу!

Мария Метлицкая

Алла Ивановна громко высморкалась в салфетку, на глазах у нее выступили слезы.

Никодимов смутился:

— Да не хотел я вас обидеть. Просто странно все это как-то.

— А ничего тут нет странного, — оживилась Алла Ивановна. — Просто вы мне приглянулись, вот и все. Что ж тут странного? Знаете, в старину только по сватовству люди и женились. Никак иначе. По рекомендации.

— Ну, какая у вас на меня рекомендация... — протянул Никодимов.

— Я мать, мне виднее. Я насквозь мужчин вижу, так что вы, Петр Степанович, не обессудьте и обиду на меня не держите.

Никодимов пожал плечом. Алла Ивановна резво вскочила и выбежала в комнату.

Петр Степанович оглядывал кухню. Гарнитур импортный, точно. Плитка на полу чешская, не меньше. Люстра даже на кухне не пластиковая, из металла со стеклянными висюльками. Тюль импортный, с люрексом, Сирия, Зинаида о таком всегда мечтала. Это если в кухне так, что тогда в комнатах?

Вошла Алла Ивановна и торжественно разложила на столе фотографии. Никодимов взял их в руки. На одной из них стояла тощая девица с длинным носом и узкими глазами. Прямая, как палка, и почти безгрудая. Совсем не в его вкусе. Девица строго смотрела в объектив. На другой радостно улыбалась полная, рыхлая молодуха в коротком пестром платье. Бросались в глаза ее крупные, круглые, открытые колени. Никодимов переводил взгляд с одной фотографии на другую. Думал. Потом отложил фото той, что с коленями. Она ему напоминала бывшую жену Зинаиду. Еще минут пять смотрел на фото узкоглазой. Тяжело вздохнул и протянул Алле Ивановне фотографии.

— Эта, — коротко вздохнул он и залился краской.

— Лялечка! — обрадовалась Алла Ивановна. — Старшая. Не подумайте ничего, ей двадцать восемь. Да, не девочка. Зато мозги уже на месте. В бухгалтерии зарплата не бог весть, но там ее ценят, уважают. Читает захлеб! Без книжки не засыпает, — радостно тараторила Алла Ивановна. — Чистюля, каких мало!

Мария Метлицкая

Скромная, порядочная! Не пожалеее, Петр Степанович, ей-богу, не пожалеее!

Никодимов залпом выпил остывший чай — в горле пересохло.

— Ну а щи там сварить или рассольник? — смущенно спросил он.

— Вот за это, Петр Степанович, можете не волноваться. Хозяйство веду я. У меня с этим строго. Я не для того своих дочерей растила, чтобы они о чугушки ногти ломали. Пусть читают, кино смотрят, с мужем беседуют, — с напором ответила Алла Ивановна. — А по хозяйству я уж как-нибудь сама, не волнуйтесь. Или вам борщ не понравился?

— Борщ приличный, — успокоил ее Никодимов. — Но все равно это как-то...

Он замолчал.

— Что? — уточнила Алла Ивановна.

— Да странно, вот что, — ответил Никодимов.

— Не комплексуйте, Петр Степанович. Вы мне потом сами спасибо скажете. И потом, что вам терять-то?

Терять Никодимову было и вправду нечего. В общем, порешили так: Никодимов подает по

собственному желанию, рассчитывается в две недели, приезжает в Москву и останавливается у Аллы Ивановны как сын ее старой приятельницы. Приезжает как будто в отпуск. А все остальное Алла Ивановна берет на себя.

Никодимов засобирався на вокзал. У двери Алла Ивановна его подбадривала:

— Все будет хорошо, Петр Степанович. Вот увидите. Я вам обещаю. Все будет очень даже мило, — тархтела счастливая Алла Ивановна. И строго напомнила ему, подняв кверху указательный палец: — Жду вас через две недели. Ровно через две.

На вокзал Никодимов ехал в полном смятении. Радости не было никакой. Хотя если разобратся — прописка московская, квартира райская, будущая теща далеко не дура (он вспомнил Зинину мать тетю Раю, и его передернуло). А невеста? Не красавица, но это было бы слишком — не такой он подарок, чтобы получить еще и красавицу, он это понимал.

«Подумаю еще, время есть», — решил Никодимов и на вокзале на сэкономленные от обеда деньги купил племянникам и дочке Любашке вафель и конфет.

Мария Метлицкая

Дома его, понятное дело, не ждали. Зина тут же открыла пасть, а Митрофанов злобно сплюнул прямо на пол. Дочка Любаша развернула конфету, скривила морду и сказала:

— Говно.

Зинаида радостно рассмеялась.

На следующий день Никодимов написал заявление об уходе. Ночевать поехал к сестре. Все ей рассказал, как было, только слегка приукрасил. Сестра плакала от счастья.

Через две недели Никодимов с чемоданом стоял перед дверью, обитой серым дерматином, и не решался нажать кнопку звонка.

Но все оказалось не так страшно. Алла Ивановна встретила его радостно, как дорогого гостя. Освободила ему комнату, к его приезду испекла наполеон.

Вечером пришли Лялечка и Галечка.

Лялечка все больше молчала и шумно втягивала из блюдечка чай. Галечка много смеялась и съела почти весь наполеон.

Алла Ивановна купила билеты в цирк и «Сатиру». Лялечка тоже оказалась в отпуске — какое совпадение! В цирк и театр они пошли вдвоем, а после театра гуляли по Москве. Лялечка

все больше молчала и смотрела на Никодимова с легким пренебрежением. Он чувствовал себя неловко.

Вечером шушукались на кухне с Аллой Ивановной.

— По-моему, я ей не нравлюсь, — жаловался Никодимов.

— Что вы! — горячо возражала Алла Ивановна. — Она в вас влюблена! Просто у девочки хорошие манеры — не вешаться же вам на шею, Петр Степанович!

Никодимов соглашался и тяжело вздыхал.

Квартира ему нравилась — тихо, прохладно, спокойно. На полу — ковры, на стенах — картины. Стряпня Аллы Ивановны тоже подходила — первое, второе, компот. Вечером — булочки к чаю.

К Москве Никодимов тоже стал привыкать, и она ему даже стала нравиться.

— Гигант-город, — с восторгом говорил он. — Мегполис!

По ночам слышал, как на кухне Алла Ивановна шушукалась с Лялочкой.

«Мозги вправляет», — понял Никодимов.

Мария Метлицкая

Через две недели Алла Ивановна строго посмотрела на Никодимова и спросила:

— Ну а дальше-то что? Какие у вас, так сказать, Петр Степанович, планы?

Никодимов признался, что робеет перед Лялечкой и все не решается ее обнять.

— Это все ерунда, — отрезала Алла Ивановна. — Завтра сделайте предложение — и все само собой образуется.

Никодимов испуганно кивнул.

Вечером он пришел с цветами и тортом. Все сели ужинать. Никодимов уже доедал азу с овощами, но все молчал. Алла Ивановна бросала на него испепеляющие взгляды. Никодимов молчал. Алла Ивановна стала нервно покашливать. Никодимов пил компот и молчал. Алла Ивановна все взяла в свои руки.

— С чего бы у нас цветы и торт в будний день? — удивилась она.

Никодимов собрался с духом, встал, крикнул, поднял пустой стакан от компота и произнес почему-то глухим басом:

— Прошу у вас руки вашей дочери. Лялечки, — уточнил через минуту Никодимов.

Алла Ивановна ойкнула и всплеснула руками. Лялечка дрожащей рукой поставила на стол чашку и скорбно поджала губы. Галечка расплакалась и бросилась в свою комнату. Этого, правда, никто не заметил.

Алла Ивановна поднялась со стула, обняла Никодимова и поцеловала его во вспотевшую плешь. Соединила его и Лялечкину руки, благословила и счастливо повторила:

— Вот и миленько все, вот и чудненько!

Свадьбу сыграли потихоньку, по-семейному. Настоял Никодимов. Алла Ивановна, конечно, хотела развернуться по полной. Чтобы все гости и все знакомые, чтобы сослуживцы, чтобы все видели и утерли носы. Но Никодимов был тверд как скала. И денег было жалко, да и вообще как-то неловко.

После свадьбы Никодимов переехал в комнату к Лялечке. Лялечка была по-прежнему суха и строга. Спать ложилась в пижаме и теплых носках. Через месяц после свадьбы Лялечка сказала Никодимову, что «это» ее мало интересует и чтобы Никодимов не мешал ей спать. Никодимов обиделся и лег «валетом». Лялечка

Мария Метлицкая

презрительно хмыкнула и брезгливо отвернулась к стене.

Алла Ивановна устроила Никодимова в ЖЭК инженером — денег не много, но работа не пыльная и возле дома. Обедать Никодимов ходил домой. Жизнь была, ясное дело, не расчудесная, но тихая и сытая, уж точно лучше той, прежней. Лялечка все читала и перед сном вежливо желала Никодимову «спокойной ночи».

Алла Ивановна, конечно же, все понимала. Боялась, что Никодимов сбежит, и ублажала его, как могла: брала только половину зарплаты, пекла пироги, покупала ему носки и рубашки, достала чешский костюм и югославские полуботинки. На 23 февраля подарила польский одеколон. Старалась не на шутку. А Никодимов сбегать и не собирался — он вполне прижился и вполне был доволен жизнью.

Как-то в марте Алла Ивановна почувствовала себя неважно. «От Галечки заразилась», — подумала она. Галечка хворала ОРЗ уже пятый день.

Алла Ивановна ушла с работы с обеда. Тихо открыла ключом дверь, чтобы не тревожить больную Галечку. На цыпочках зашла в кварти-

ру. Стала осторожно снимать ботики, как вдруг услышала странные звуки из Галечкиной комнаты — вскрики, сопение, бормотание.

Алла Ивановна схватилась за сердце: «Плохо ей!» — и сделала шаг к комнате младшей дочери. И в эту самую минуту услышала приглушенный мужской смех. Алла Ивановна юркнула в свою комнату. В эту самую минуту дверь Галечкиной комнаты распахнулась, и из нее выскочил абсолютно голый Никодимов. Алла Ивановна вскрикнула и закрыла рот рукой.

Никодимов шумно плескался под душем. Галечка включила проигрыватель — истошно завопила Маша Распутина.

Алла Ивановна, дрожа как мышь, села на край кровати, пытаясь привести мысли в порядок. Сначала она хотела выскочить из комнаты и дать Никодимову по красной толстой морде. Потом — отхлестать по белым пухлым щекам дочь. Потом — собрать никодимовские манатки в чемодан и выбросить за дверь. Потом — строго наказать мерзавке Галечке, чтобы Лялечка, не дай бог, не узнала бы ничего...

Но Алла Ивановна была женщиной благо-разумной. И потом, столько вложений, столь-

Мария Метлицкая

ко труда — и все насмарку! Да и Лялечка хороша — отказала мужику от постели, вот вам и результат. И Галечка бедная, одна, без мужика, а природа, видно, берет свое.

Тут Алла Ивановна вспомнила своего ненасытного мужа и смахнула со щеки слезу.

Никодимов, бедный, попал как кур в ошип.

В общем, все хороши, решила Алла Ивановна.

Но теперь появились три важных дела. Чтобы Лялечка ни о чем не узнала — раз. Чтобы Никодимов не сбежал — это два. И три — чтобы все было шито-крыто. Иначе кошмар, скандал, все знакомые, боже, соседи! Этого Алла Ивановна допустить не могла.

Никодимов оделся и ушел на работу. Обеденный перерыв закончился. Галечка сладко уснула под вопли вульгарной сибирской выскочки. Алла Ивановна вымыла посуду, померила давление, накапала тридцать капель валокордина и принялась варить обед на завтра.

Никодимов пришел с работы ровно в шесть. Вымыл руки и сел ужинать. Алла Ивановна поставила перед ним тарелку с горячими сырниками.

Лялечка пришла домой в семь пятнадцать. Выпила чаю и ушла к себе читать новый детектив.

Галечка проспала до позднего вечера и проснулась очень голодная. Алла Ивановна испекла ей оладьи.

Никодимов посмотрел по телевизору новости и улегся спать.

Алла Ивановна перемыла посуду и с тяжелым сердцем пошла к себе.

«Ничего, — успокаивала она себя, оправдывая всех и Лялечку. — Ну что поделаешь, сватать надо было бы Галечку. Лялечка оказалась типичная старая дева, синий чулок. Разве в том ее вина? И Галечке тоже обидно, хочется женского счастья. И Никодимов — здоровый же мужик, молодой».

И себя она тоже оправдывала. Ну, ошиблась она, ошиблась. А ведь хотела как лучше. Разве мать желает своим детям чего-нибудь, кроме добра?

В общем, через девять месяцев Галечка родила младенца — крупного, с красным личиком и белесыми бровями. Алла Ивановна была счастлива. Лялечка кривила ротик и зажимала

Мария Метлицкая

нос и уши, когда младенец кричал и пачкал пеленки. Никодимов подходил к младенцу, молча и внимательно смотрел на него и делал «козу». Галечка смеялась и целовала сына в крепкую розовую попку. Алла Ивановна кипятила соски и варила манную кашу.

На улицу выходили такой компанией: Лялочка со скорбным и немного брезгливым выражением лица, Галечка, еще больше раздобревшая после родов, в с трудом застегивающемся плаще, со счастливой улыбкой, невозмутимый, важный Никодимов и счастливая Алла Ивановна, гордо катившая колясочку с новорожденным внуком.

Все было очень даже миленько, как любила говорить благоразумная Алла Ивановна.

Лакомый кусок

Павлик был человек размеренный. Во всех смыслах положительный. Окончил школу — поступил в институт.

На последнем курсе женился. Жена Лена — тоже женщина положительная во всех смыслах. Учительница. Дома — чистота, ни пылинки. В шкафу вещи стопочкой сложены — здесь белье, здесь носки. На плите всегда обед из трех блюд. Захочешь — не придерешься. А Павлик и не придирался. Все его устраивало.

Родилась дочка. Ночами спит. Развивается по возрасту. Почти не болеет. В три года начала читать — заслуга жены. Зимой катались на лыжах, летом ездили на море. Набирались здоровья.

Потом Павлик пошел в бизнес. И тут, надо сказать, у него все получилось. Не сразу, конеч-

Мария Метлицкая

но. Были и промахи, и ошибки. Но ничего, выстоял, открыл свою фирму. Дела пошли, купили большую квартиру, сделали хороший ремонт. Взяли две новые иномарки, побольше — Павлику, поменьше — Лене.

Павлик приходил вечером домой — дома все сверкает, на столе красивая скатерть. Борщ. Котлеты. Компот. На десерт — пирог с яблоками. У жены все строго, все по часам. На выходные разработанный план: в субботу выставка, в воскресенье — прогулка по парку. Кстати, секс — тоже по расписанию. В субботу. Когда все дух переведут, придут в себя после трудовой недели.

На холодильнике висит расписание. Супов. Да-да, именно. В понедельник — щи, в среду — бульон, в пятницу — гороховый. И так на две недели. Что делать, любит человек точность и порядок. Сама работу не бросила, хотя денег хватало — была твердо уверена, что женщина обязательно должна работать.

У дочки Кати — тоже расписание. В понедельник — музыка, во вторник — хореография, в среду — художественный кружок. И так до

конца недели. Отбой в девять ноль-ноль. Даже в выходные.

Жена одевалась скромно, хотя возможности большие. Меха не носила принципиально, пальто, костюм, блузки, туфли на удобном каблучке — в общем, женщина-порядок. Немного скучно, но зато без сюрпризов.

Павлик начал строить дачу. Вернее, не дачу, а загородный дом, так сейчас принято у обеспеченных людей. Лена ездила раз в неделю на стройку. Контролировала рабочих. И надо сказать, все ее слушались. Уважали.

Родители их тоже дружили. Вместе собирались на годовщины и дни рождения. А как же — общая внучка, единственная и обожаемая. Тесть помогал Павлику в строительстве дома, теща вязала теплые свитера. В общем, все дружно радовались. И на это были причины.

Павлик открыл филиал фирмы в Харькове. Начал мотаться туда в командировки. Нанимать людей, контролировать. Бизнес такая штука: только ослабишь контроль — все полетит в тартарары.

После работы ходили в ресторан. Поужинать и проговорить текущие вопросы. Так Павлик

Мария Метлицкая

впервые увидел официантку Оксану. Челка по брови, черные глаза, ноги от ушей, грудь на всеобщее обозрение. А что? Если человеку есть что показать? Почему бы не поделиться этой радостью с другими?

Оксана наклонилась и коснулась грудью Павликова плеча. Павлика обдало жаром, и есть вареники с вишней расхотелось. Теперь он только вглядывался в зал и ждал, когда появится Оксана.

Ночью Павлик почти не спал. Метался, курил, пил воду. Ему казалось, что у него температура. На следующий день пошел снова в ресторан. Сел, заказал кофе. Ждал. Искал Оксану глазами. А ее не было. Спросил у официантки — та объяснила, что у Оксаны выходной. Ее телефон он спросить не решился и тем же вечером улетел в Москву.

В Москве было все по-прежнему. Чисто, вкусно, удобно. Вот только от своих еженедельных обязанностей в субботу он отказался. Сослался на то, что устал. А жена и не настаивала. Облегченно вздохнула и перевернулась на другой бок.

А Павлик не спал. Вспоминал Оксану, черные глаза, челку по брови, грудь и ноги. На следующий день взял билет и полетел в Харьков.

Оксана была на работе. Павлик пригласил ее на свидание.

— Только не в ресторан! — засмеялась Оксана. — Рестораны мне до чертиков надоели.

В семь вечера Павлик ее ждал с букетом цветов. Погуляли в парке. Сходили в кино. В кино Павлик осторожно взял ее за руку. Сердце билось так, что казалось: выскочит из груди. Оксана положила голову ему на плечо. Потом пошли в гостиницу.

Утром Павлик понял, что пропал. Но надо было возвращаться в Москву.

Теперь он мотался в Харьков раз в неделю. На один день и одну ночь. И за эту каждую ночь он готов был отдать все на свете, включая собственную жизнь.

Оксана встречала его в аэропорту и бросалась в объятия. Крепко, до боли обнимала за шею и целовала в губы. Павлик смущался. Такое проявление эмоций было ему внове. Они летели в гостиницу и сутки не выходили из номера.

Мария Метлицкая

Дома жена Лена хмурила брови. Чувствовала, что что-то не так, но виду не подавала, молчала. Себе дороже. Начать выяснять? А зачем? Слышать правду ей не хотелось. К тому же зачем делать первый шаг? Чтобы он принял решение и облегчил свою участь? Ну уж нет! Лена была женщиной умной.

Через три месяца Павлик снял квартиру и перевез Оксану в Москву. Каждый день после работы заезжал к ней. В коридоре Оксана снимала с него пиджак и рубашку. Они ни о чем не говорили — просто не было сил. Выходные Павлик проводил с семьей. Святое дело.

Через полгода Оксана сказала, что она беременна, и спросила:

— Что будем делать?

Павлик ответил:

— Рожай. Я уйду из семьи. Я тебя люблю и жить без тебя не смогу.

Честный человек, порядочный. Вечером он собрал вещи и сказал Лене, что уходит, потому что полюбил другую. Жена скандал не устроила, не так воспитана. Главное — сохранить лицо и достоинство. Сказала, что дочке все объяснит сама.

Павлик облегченно вздохнул и еще раз восхитился женой. В дверях сказал:

— Прости.

Лена кивнула, мол, всякое бывает. И добавила, что этот дом его. Навсегда, в любую минут дня или ночи. Павлик еще раз вздохнул и нажал кнопку лифта.

В квартире у Оксаны царил полный бедлам. Труссы валялись на диване, сапоги стояли, вернее, лежали в комнате. На кухне — гора посуды. В ванной — зеркало в пятнах от зубной пасты.

Готовила Оксана по привычке — картошку жарила на сале, в борщ толкла сало с чесноком. У Павлика был слабый желудок. Он ел и вспоминал Ленины запеканки и оладьи из тыквы.

Всю беременность Оксана капризничала. Утром Павлик выжимал свежий сок из апельсинов, а ночью срывался и ехал за мороженым. Павлик не очень к этому привык. Вспоминал, как ходила беременная Лена. Ни каприза, ни жалобы. Но Оксану он любил. Списывал все на беременность, жалел. Ночью обнимал ее и думал о том, что нет человека счастливей его. Засыпать с ней было счастьем и просыпаться тоже.

Мария Метлицкая

Жене Павлик исправно отвозил деньги и ходил с дочкой в кино и в «Макдоналдс». Жена молчала. Ни слова упрека. Только с жалостью смотрела на его плохо выглаженную рубашку, оторванную на куртке пуговицу и нечищенные туфли. Видела, что он похудел и что глаза его горят странным нездешним блеском, как у больного с высокой температурой.

Лена не задавала ни одного вопроса, всегда предлагала поесть или выпить кофе. Павлик смущался и отказывался.

Оксана сказала, что надо купить квартиру. Негоже приносить из роддома ребенка в съемную. Павлик поднатужился и квартиру купил. Сделал ремонт. Завез мебель. Оксана повесила розовые шторы с люрексом. Купила хрустальную люстру и красный ковер. Называла гостиную «залом». Павлик морщился и лечил гастрит.

Лена сказала, что надо достраивать дачу, в конце концов, дача строилась для ребенка. Павлик согласился и взялся за дело. Вечером, закрывшись в ванной, обсуждал с Леной текущие вопросы.

Оксана стучала в дверь и кричала, чтобы Павлик выходил. Павлик торопливо сворачивал разговор и выбирался из прикрытия.

Оксана устраивала скандал. Они шумно ссорились и так же шумно мирились, обычно в постели. Павлик говорил Оксане, что это опасно, все-таки большой срок. Оксана отвечала, что это ерунда, и засыпала на его плече.

Оксана родила мальчика. Павлик был счастлив. Лена попросила денег на летний отдых. Желательно на море, лучше на Средиземное. Они с дочкой собрались в Грецию, Лена сказала, что в Греции очень выгодно можно купить норковую шубу, старая износилась. Павлик, конечно, все оплатил, дал денег на шубу. В конце концов, ему было так удобней — ведь он чувствовал себя виноватым.

Оксана захотела няньку и машину. Павлик оплатил няньку и купил Оксане машину. В доме его раздражал вечный бедлам. Он просил Оксану навести порядок, Оксана отвечала, что ей нужна домработница, и вообще с ребенком трудно держать квартиру в порядке. Из Харькова приехала погостить Оксанина мама. Теперь перед глазами мелькали теща, няня и сама Оксана. Ребенок

Мария Метлицкая

кричал, Оксана лупила его по попе, и ребенок кричал еще громче — в общем, филиал сумашедшего дома.

Однажды в субботу Павлик заехал к Лене. Лена сварила ему манную кашу и положила туда свежую клубнику, потом налила кружку клюквенного киселя. Павлик в блаженстве откинулся в кресле: наконец у него не ныл желудок после еды. Он читал газету и смотрел телевизор. Дочка показала ему дневник, полный пятерок. В доме было чисто и тихо. Павлик прилег на диван и уснул. Лена накрыла его пушистым пледом и выключила свет.

Ночью он проснулся, сходил на кухню попить и вернулся в спальню. Жена тактично отодвинулась на край кровати. Павлик положил руку ей на плечо, и Лена тихо расплакалась.

Утром Лена поджарила сырники и сварила какао. Павлик с удовольствием позавтракал, а в дверях чмокнул Лену в щеку.

Она опять ничего не спросила.

Павлик приехал к Оксане. По дороге купил цветы и игрушку для ребенка.

Оксана открыла дверь и посмотрела на Павлика долгим изучающим взглядом. Он увидел

синяки под глазами у Оксаны, но Оксана тоже не задавала вопросов.

В конце концов, душой она не была точно. Всю следующую ночь они не спали. Оксана доказывала Павлику, что лучше ее на свете женщины нет, не согласиться с этим было трудно. Под утро Павлик, выжатый и обессиленный, уснул. Оксана лежала у него на груди, перебирала его волосы на голове и тихо пела колыбельную. Павлик был абсолютно счастлив.

— Любимая моя, — прошептал он и, между прочим, не покривил душой.

В конце недели в пятницу позвонила Лена и сказала, что надо ехать в магазин и выбирать плитку для загородного дома.

Они поехали в магазин, долго и тщательно выбирали плитку, а заодно — унитаз и раковину, обои в спальню дочери, паркет в гостиную, посудомойку на кухню. Потом приехали домой, ужинали, пили чай и смотрели телевизор.

Павлик опять остался у Лены. Лена по-прежнему молчала.

Утром Павлик позавтракал и поехал к Оксане. Она его встретила, налила ванну, бросила туда перламутровые шарики с пеной. При-

Мария Метлицкая

несла махровый халат. Продемонстрировала, как сын научился делать «ладушки». Постелила в спальне новое шелковое белье — прохладное на ощупь, черное в синих цветах. Шептала ему в ухо такие слова, что у Павлика обрывалось сердце и летело в пропасть. Пела колыбельную. Под утро заснули, крепко переплетя ноги и скинув одеяло.

Так и повелось. На неделе Павлик жил у Оксаны, а в субботу уезжал к Лене, достраивал загородный дом. Купил две новые шубы, одну — Лене, вторую — Оксане. Летом отправил Лену с дочкой на Кипр, а Оксану с сыном — в Турцию.

Лена молчала — боялась Павлика спугнуть. В конце концов, в семье был достаток, у дочери — отец, а у нее — какой-никакой муж, пускai и наполовину.

Оксана тоже молчала, боялась, что Павлик уйдет. Он ведь ей ни в чем не отказывал — квартира в Москве, у ребенка няня, новая шуба и новая машина, отдых на море за границей. Потерять это все и вернуться в Харьков, в комнату тринадцать метров к папе и маме? Пойти работать официанткой, бегать с подносом? Ну

Лакомый кусок

уж нет. И она молчала, знала, в чем ее сила. Хотя это держит мужчину до поры до времени, пока есть молодость и красота. А они, как известно, — продукт скоропортящийся.

Ну а Павлика вообще все устраивало. Дети были при отце. Обе семьи ни в чем не нуждались, грех жаловаться. Дома у Лены он отогревался и наслаждался тишиной и покоем, а с Оксаной горел в огне страсти, что тоже было счастьем и откровением. В общем, обиженных вроде не было.

Только обе боялись одного: как бы в жизни Павлика не появилась третья женщина, которая бы навела порядок и расставила все точки над «і».

Ведь сами понимаете, мужик сорока лет, да еще с деньгами... Лакомый кусок. Дураку понятно.

Отец

У меня был замечательный отец, лучший отец на свете. Все мне завидовали. Еще бы! Он был высок, широкоплеч и бесконечно красив.

Он был щедр и великодушен. Конечно, он был смел и справедлив. Умен и блестяще образован. Словом, он был прекрасен. О таком отце можно было только мечтать. Он был остроумен с моими подругами и приветлив с моими кавалерами. Он никогда не ругал меня — ни за ложь, ни за двойки, просто спокойно объяснял, что к чему.

Ему нравились мои джинсы с бахромой и волосы, крашенные в ярко-рыжий, почти красный цвет. Он с удовольствием слушал музыку, которую совсем не понимали взрослые и которую слушали мы, молодежь.

Летом он отпустил меня с компанией в Коктебель. Он безгранично доверял мне — впрочем, это он делал зря.

Когда он узнал, что я курю, стал приносить мне американские сигареты, доставал их по черт-те какой цене у спекулянтов. На день рождения купил за валюту зеленый том Булгакова. Утешал меня, когда я провалилась в институт, — и повел обедать в «Арагви». Словом, понятно: у меня был лучший отец на свете.

У меня никогда не было отца. Нет, конечно, он был, но я его совсем не помнила. Мать ушла от него, когда мне было полтора года. Ушла из-за такой любви, когда уходят, не оглядываясь.

Отчим был неплохим человеком — и я, естественно, не знала правды, считала, что он мой отец. В одиннадцать лет дальняя родственница (мерзкое, надо сказать, создание) перебила мое щебетание, где фигурировало слово «папа», и спросила:

— Какой?

— Что «какой»? — не поняла я.

Мария Метлицкая

— Ну, какой из отцов, у тебя же их два, — пояснила она.

Я сказала ей, что она дура, и почему-то заплакалась.

Через неделю рассказала обо всем маме. Она посоветовала не обращать внимания на сволочей и посчитала, что этого объяснения вполне достаточно.

В пятнадцать лет я нарыла какие-то документы вроде свидетельства о браке и моей метрики и поняла, что та сволочь была права.

Состоялся трудный разговор с мамой. Отчима, кстати, я продолжала называть папой и вообще относилась к нему неплохо, так же, как и он ко мне.

В двадцать лет я разыскала отца через Мосгорсправку. Позвонила, представилась. Он сказал, что очень занят и перезвонит мне завтра. Назавтра он не перезвонил. Он вообще мне не перезвонил, никогда.

Когда мне было лет сорок и я уже была почетная мать двоих детей, от знакомых (такие всегда находятся) я узнала, что отец тяжело болен.

Я набрала его телефонный номер.

Он сильно кашлял, и было件нятно, что говорить ему тяжело.

Я сказала, что сейчас приеду.

Он ответил: не надо, он не хочет, чтобы я видела его в таком виде, и вообще ему тяжело общаться с людьми. Я заплакала и положила трубку.

Он перезвонил вечером. Просил прощения, говорил, что так и не смог простить мою мать. Что она испортила ему всю жизнь, что после нее он не смог жить ни с одной женщиной.

— А при чем тут я? — удивилась я.

— Знаешь, все это я почему-то перевел и на тебя.

Потом он спросил, как я живу. Я ответила, что не без осадков, но в целом все нормально. Потом он спросил, как зовут его внуков. Я опять спросила, можно ли его навестить. Он объяснил, что завтра ложится в больницу, а там посмотрим.

Он умер в больнице через три дня. Я его не хоронила — свалилась с сезонным гриппом.

Мария Метлицкая

В общем, я его простила. Почти. Как можно простить человека, который отнимает у тебя последний шанс.

Да и вообще, великодушие не является, видимо, нашей наследственной чертой. Надо в этом признаться.